

«Безумный приравнивается к отсутствующему»? Категория «сумасшествие» в средневековом праве

Ольга И. Тогоева

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
togoeva@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме описания и интерпретации понятия «сумасшествие» в средневековом праве. На материале юридических источников (канонического права, авторских трактатов правоведов и теологов, судебных приговоров и писем о помиловании) автор статьи прослеживает становление данного понятия на протяжении XII–XV вв., его связь с нормами римского права (прежде всего с «Дигестами» Юстиниана), особенности его применения в церковном, гражданском и уголовном праве. Особое внимание в статье уделено вопросу повседневной жизни душевнобольных людей, их практически полной зависимости от родственников и друзей, на которых главным образом ложилась ответственность за пребывание сумасшедших в социуме, а также роли медицинской экспертизы в определении их статуса. В статье подробно рассматривается терминология, которой оперировали церковные и светские юристы и судьи при описании случаев утраты рассудка преступниками и/или их жертвами. Автор статьи приходит к выводу, что разнообразие терминов, присутствующих в средневековых правовых текстах, свидетельствует, во-первых, о недостаточной разработанности понятия «сумасшествие» в эту эпоху, а во-вторых, о наличии явных заимствований отдельных терминов и развернутых описаний данного недуга из средневековой художественной литературы (в частности, из более ранних рыцарских романов).

Ключевые слова: Средние века, римское право, обычное право, Франция, сумасшествие, письма о помиловании, рыцарские романы, медицинская экспертиза

Для цитирования: Тогоева О.И. «Безумный приравнивается к отсутствующему»? Категория «сумасшествие» в средневековом праве // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 4. С. 30–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-30-54

“The insane is equated with the absent”? The category of ‘madness’ in medieval law

Olga I. Togoeva

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, togoeva@yandex.ru*

Abstract. The article deals with an issue of describing and interpreting the concept of “madness” in medieval law. Based on the material of legal sources (canon law, author’s treatises of jurists and theologians, court verdicts and letters of pardon), the author of the article traces the formation of the concept during the 12th – 15th centuries, its relation to the norms of Roman law (primarily with the “Digests” of Justinian), the specifics of its practice in ecclesiastical, civil and criminal cases. Special attention is paid to the issue of the daily life of mentally ill people, their almost complete dependence on relatives and friends, who were mainly responsible for the stay of the insane in society, as well as of the role of medical expertise in determining their status. The article considers in detail the terminology used by ecclesiastical and secular lawyers and judges who described the cases of loss of sanity by criminals and/or their victims. The author of the article concludes that the variety of terms present in medieval legal texts indicates, firstly, the lack of elaboration of the concept of “madness” at that time, and secondly, the presence of explicit borrowings of special terms and detailed descriptions of such a disease from medieval fiction (in particular, from earlier romances).

Keywords: Middle Ages, Roman law, common law, France, madness, letters of pardon, romances, medical examination

For citation: Togoeva, O.I. (2024), “‘The insane is equated with the absent’? The category of ‘madness’ in medieval law”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary studies. Linguistics. Culturology”*, no. 4, pp. 30–54, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-30-54

Проблема восприятия безумия людьми прошлого поистине неисчерпаема, и характерна она не только для философии второй половины XX в. с ее вниманием к понятию «Другого»¹. Исследователи подступались к ней достаточно часто, и изучалась она с самых разных позиций и точек зрения: сугубо медицинской [Collée, Qué-
tel 1987; Kutzer 1998; Jacquart 2004], социологической [Becker 1963; Goffman 1963; Rosen 1969], религиозной [Caciola 2003; Flanagan 2005; Chauve-Mahir 2011], политико-институциональной [Foucault

¹ Ильин И.П. Безумие // Постмодернизм: Словарь терминов. М.: Интрада, 2001. С. 22–28.

1961; Fritz 1992; Ильин 1996], иконографической [Heers 1983; Laharie 1991; Jacob 2001] и литературоведческой [Menard 1977; Huot 2003; Legros 2013]. В настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть *правовой* аспект данной проблемы применительно к эпохе Средневековья как на материале теоретических юридических текстов (правовых кодексов, авторских трактатов, сборников обычного права), так и на материале судебной практики, которая дает более или менее целостное представление о восприятии различных душевных недугов простыми обывателями в их повседневной жизни.

* * *

В вопросе об отношении к сумасшедшим европейские, в том числе французские, средневековые теологи, юристы и судьи во многом традиционно опирались на нормы классического римского права, собранные и систематизированные в «Дигестах» Юстиниана (VI в.). Согласно этому своду, утратившие рассудок люди (*furiosi* – от лат. *furor*, бешенство, ярость) являлись недееспособными и не несли ответственности за свои противоправные поступки: как писал Домиций Ульпиан (170–223), «безумный приравнивается к отсутствующему»². Душевнобольные также не могли выступать свидетелями в суде, совершать торговые сделки, распоряжаться собственным имуществом и заключать браки, поскольку, по выражению Секста Помпония (середина II в.), «не имели воли»³. Однако если человек полностью выздоравливал или же если недуг временно отступал, правовая дееспособность возвращалась. Точно так же правомочными объявлялись все действия, совершенные до наступления болезни, например, вступление в брак, как о том свидетельствовал Юлий Павел (первая половина III в.)⁴. Так или иначе, но никаких наказаний в отношении сумасшедших римское право не предусматривало: «Безумный достаточно наказан своим безумием», – отмечал ученик Ульпиана Геррений Модестин (первая половина III в.)⁵.

² “Furiosus absentis loco est” (Ulp. D. 50. 17. 124. 1).

³ “Furiosi vel eius, cui bonis interdictum sit, nulla voluntas est” (Pomp. D. 50. 17. 40).

⁴ “Furor contrahi matrimonium non sinit, quia consensu opus est, sed recte contractum non impedit” (Paul. D. 23. 2. 16. 2).

⁵ “Sufficit furore ipso furiosum puniri” (Mod. D. 48. 9. 9. 2). Подробнее о понятии «сумасшествие» в римском праве см.: Audibert A. Essai sur l'histoire de l'interdiction et de la curatelle des prodigues en droit romain // Nouvelle revue d'histoire du droit français et étranger. 1890. Т. 14. P. 521–587.

Подобное восприятие сумасшествия во многом сохранилось и в средневековой традиции, как церковной, так и светской, пусть даже и с некоторыми противоречиями. Так, например, знаток канонического права, галисийский епископ и юрист Лоренцо Испанец (ок. 1180–1248), рассуждая о внешних проявлениях безумия, писал, что больного человека «мы узнаем по его словам» [Ternon 2018, p. 20]. Веком позже Бартоло да Сассоферрато (1313/1314–1357), прославленный итальянский глоссатор, утверждал ровно обратное: «Сумасшедший – это тот, чья речь кажется мудрой, но чьи поступки таковыми не являются» [Ternon 2018, p. 21]. Любопытно отметить, что оба автора при этом ссылались на «Дигесты», но по-разному трактовали нормы римского права⁶.

Тем не менее в том, что касалось *повседневной* практики, средневековые теологи и юристы придерживались общей точки зрения, признавая полную (или частичную) неправоподобность душевнобольных людей. В частности, из всех религиозных таинств по-настоящему доступным для сумасшедших признавалось лишь одно – крещение. По мнению Фомы Аквинского (1225–1274), даже безумца нельзя было лишать права стать членом христианской общины, хотя он – как, впрочем, и младенец – не понимал самого смысла этого действия. Однако у него имелись крестные, которые могли позаботиться о его судьбе⁷. В то же время сумасшедшему не следовало рассчитывать на причастие, поскольку в данном случае от него требовалось понимание собственных действий, которого он был по причине болезни лишен. Приобщиться к данному таинству он мог лишь в момент просветления рассудка,

⁶ Лоренцо Испанец опирался в данном случае на норму, изложенную у Ульпиана: «Лицам, которые находятся в таком положении (т. е. безумны. – *О. Т.*), что не могут управлять своими делами, проконсул должен назначить опекуна» (Ulp. D. 26. 5. 12). Бартоло, со своей стороны, обращался к суждению Модестина относительно человека, завещавшего после смерти выбросить свои останки в море, а не похоронить в земле, согласно «человеческим обычаям»: «Однако прежде следует узнать, не был ли человек, высказавший подобное условие, не в своем уме» (Mod. D. 28. 7. 27).

⁷ «Сумасшедшие и слабоумные лишаются разума внезапно, по какой-то причине, кроющейся в их теле, а не потому, что они, подобно животным, изначально лишены разума... Их следует рассматривать как младенцев, которых крестят в нашу истинную веру» (*Petite Somme théologique de saint Thomas d'Aquin*. P., 1862. Т. 4. P. 309).

хотя тот же Фома Аквинский настаивал, что это становится возможным только перед смертью⁸.

Как и в римском праве, брак сумасшедшего (или сумасшедшей) не признавался средневековыми авторами действительным, поскольку человек, лишенный разума, не мог дать осознанное согласие на такой союз. Подобный брак, если он бывал заключен, объявлялся недействительным – как и в случае двоеженства, адюльтера, инцеста или слишком близкого родства [Gaudemet 1987, pp. 183–184; Avray 2005, pp. 105–130]. Однако, если свадьба состоялась до того, как один из супругов впал в безумие, союз считался законным. Эта норма впервые, насколько можно судить, была изложена в «Декрете» Грациана – кодифицированном своде канонического права, созданном в первой половине XII в.⁹ Она же являлась основой для решения более частных вопросов брачного права – в частности, о возможности развестись с душевнобольным человеком, как о том свидетельствовала «Книга о правосудии и судопроизводстве», сборник обычного, т. е. местного, права области Гатине (Франция) XIII в.: «Человек выдал свою дочь замуж за сумасшедшего (*desvé*), но не знал об этом. Однако сумасшедший не мог получить <эту женщину в жены>, поскольку не мог дать своего согласия <на брак>. Вот почему отец <невесты> попросил, чтобы брак был аннулирован. Папа <римский> постановляет, чтобы супруги были разведены, если обстоятельства будут найдены истинными. Отметим, что сумасшедший не может жениться, поскольку не может дать согласия <на такой союз> (*ne se pot consentire*)»¹⁰.

Таким образом, светское право, как и право церковное, рассматривало душевнобольных прежде всего с точки зрения ограничения их прав. Однако в данном случае главной проблемой на протяжении всего Средневековья оставались *имущественные* вопросы. Утративший рассудок старший сын в семье автоматически уступал свое место младшему брату. Если же он к моменту начала болезни

⁸ «Те, кто никогда не владел собственным разумом, схожи с новорожденными младенцами. А потому они не могут причащаться... Если же у них наблюдаются просветления рассудка и они выказывают склонность к таинствам, они могут причаститься, но только перед смертью и на том условии, что они не вернут гостию священнику и не надругаются над ней» (Petite Somme théologique de saint Thomas d'Aquin. Т. 4. Р. 309).

⁹ «Ни сумасшедший, ни сумасшедшая (*dementes*) не могут заключить брак» (*Gratien. Décret // PL, 187, col. 1504*).

¹⁰ Li Livres de Justice et de Plet / Publié pour la première fois d'après le manuscrit unique de la Bibliothèque Nationale par H. Klimrath et J. Rapetti. P., 1850. P. 183.

уже вступал в права наследования, для управления его делами назначался опекун – обычно из близких родственников или друзей¹¹. Тот же человек был обязан следить за состоянием здоровья своего подопечного, помешать ему при случае покончить жизнь самоубийством или нанести вред себе или окружающим. Особенно четко данная норма была изложена Филиппом де Бомануаром, составившим в 1282 г. сборник обычного права области Бовези (Франция): «Те, кто сошел с ума (*est fous*), должны быть связаны (*doivent estre lié*) теми, кто призван их стеречь, и каждый <человек> должен помогать <опекуну> в этом деле, чтобы избежать ущерба, который <сумасшедший> может причинить, поскольку он очень скоро попытается убить себя или других»¹².

Не менее тщательно были прописаны в тех же «Кутюмах Бовези» и требования по составлению последней воли: «Ни помешавшиеся (*forcenés*), ни те, кто является умалишенным с рождения (*fous natureus*), не могут составлять завещания, поскольку лишены разума (*n'ont pas sens*). Но если помешанный или умалишенный составил завещание до того, как его настигла болезнь, этот документ считается действительным»¹³. То же самое касалось всех сделок, в том числе экономических, и участия сумасшедших в судебных тяжбах, где их интересы обязан был представлять опекун – как и для несовершеннолетних, замужних женщин, немых и глухих: «Ни дети малого возраста, ни умалишенные с рождения люди, ни помешанные не могут быть заслушаны в качестве свидетелей. Их показания не имеют силы»¹⁴. Если же такой человек был вынужден выступить в суде в качестве ответчика, ему следовало предоставить адвоката (*defendeur*)¹⁵.

Однако помимо проблем, связанных с *гражданскими* правами душевнобольных, средневековые юристы не менее подробно разрабатывали вопрос об их *уголовной* ответственности. В целом они исходили из того же принципа, что и их римские коллеги, указывая на практически полную недееспособность и, следовательно, неподсудность этой категории населения. Сумасшедших нельзя было пытаться, к ним не применялась смертная казнь и прочие на-

¹¹ «Надзор за сумасшедшим (*forsenez*) доверяется его друзьям, а в особенности опекуну (*curator*), дабы избежать травм, которые он может нанести себе или другим людям» (Li Livres de Justice et de Plet. P. 58–59).

¹² *Beaumanoir Ph., de. Coutumes de Beauvaisis / Ed. par A. Salmon. P., 1900. T. 2. P. 297.*

¹³ *Ibid. P. 195–196.*

¹⁴ *Ibid. P. 35–36.*

¹⁵ *Ibid. T. 1. P. 68.*

сильственные меры наказания. Иначе говоря, светский суд не имел практически никаких прав на сумасшедших, ибо они уже были наказаны по решению, исходящему Свыше – от Бога или от дьявола. Именно так трактовалась данная проблема в каноническом праве: «Что же касается тех, кто не владеет собственным рассудком (*dementes*), они не могут быть призваны к ответу... Они действуют неосознанно, не по своей воле, но движимые неизвестной силой»¹⁶. Тот же подход мы находим и в трудах светских юристов: «Если известно, что человек действовал в состоянии безумия... возможно смягчить его наказание, поскольку он уже достаточно наказан своим сумасшествием (*quar il est assez tormentez de sa desverie*)»¹⁷. Таким образом, на протяжении всего Средневековья душевная болезнь признавалось одним из крайне немногих обстоятельств, либо полностью освобождавшим человека от уголовной ответственности, либо радикально смягчавшим его вину.

И все же в особых случаях, когда безумие перерастало в приступы ярости (*furor*), европейские сборники общего права предлагали держать больного связанным или же помещать его в тюрьму, дабы помешать ему причинить вред себе и окружающим. Именно такую меру предосторожности предлагал рассматривать автор «Старой кутюмы Нормандии», составленной в 1200–1245 гг.: «Если сумасшедший убил или ранил человека под воздействием собственного безумия (*forsenerie*), он должен быть помещен в тюрьму»¹⁸. Тот же принцип отстаивал и Филипп де Бомануар в конце XIII в. в отношении безнадежно больных людей: «Безумный должен быть помещен в тюрьму, откуда он не сможет никогда выйти (*doit estre mis en tele prison qu'il n'en isse jamais*), если его болезнь не пройдет»¹⁹.

Что же касается насильственного связывания сумасшедших, то об этой практике свидетельствовал также Мишель Пентуэн (1349–1421), монах из Сен-Дени, описывавший помешательство Карла VI (1368–1422). Хронист находился рядом с правителем в тот момент, когда того сразил первый приступ безумия (*furor*), что превращало его сообщение в рассказ очевидца. Речь шла о военной экспедиции французского монарха, предпринятой летом 1392 г. в герцогство Бретонское. В начале августа, когда войско достигло города Ле-Ман, король почувствовал себя плохо: его лихорадило,

¹⁶ *Gratien. Décret*, col. 973.

¹⁷ *Li Livres de Justice et de Plet*. P. 73. См. также: «Их нельзя судить так же, как всех прочих, поскольку они не ведают, что творят» (*Beaumanoir Ph., de. Coutumes de Beauvaisis*. Т. 2. P. 297).

¹⁸ *Ancienne coutume de Normandie* [Collée, Quézel 1987, p. 30].

¹⁹ *Beaumanoir Ph., de. Coutumes de Beauvaisis*. Т. 2. P. 297.

у него наблюдалось спутанное сознание (*non sane mentis*), он не мог внятно изъясняться (*verbis fatuis utendo*) и совершал недостойные его особы поступки (*gestus eciam majestatem regiam dedecentes exercuerat*)²⁰. Тем не менее войско продолжило путь, когда вдруг случилось непредвиденное: «Один из солдат, ехавший рядом <с Карлом>, уронил свой меч на землю. Лязг оружия вызвал у короля внезапный приступ бешенства (*cujus fragore rex furore subito commotus est*). В беспамятстве он выхватил из ножен собственный меч и убил этого человека. Он пришпорил коня и примерно в течение часа носился из стороны в сторону с невероятной скоростью, крича: «Они хотят выдать меня моим врагам!» ...Во время этого приступа бешенства (*hoc furore perdurante*) он убил четверых спутников». Часть королевских приближенных в испуге разбежались, другим же удалось схватить его и отвезти обратно в Ле-Ман, где некоторое время Карла VI держали связанным²¹.

Очевидно, что именно с невозможностью для светского суда по-настоящему наказать сумасшедшего, виновного в тяжком преступлении, оказалось связано крайне незначительное количество судебных дел конца XIII–XV вв., рассматривавшихся, в частности, во французских судах и так или иначе затрагивавших данную проблему. Наибольшее же число упоминаний о юридических действиях в отношении душевнобольных содержалось в королевских письмах о помиловании, хотя сумасшествие объявлялось причиной дарованного преступнику прощения только в 1% случаев [Gauvard 1991, p. 436]. Такие письма обычно направлялись в королевскую курию родственниками или близкими друзьями обвиняемого, которые подробно описывали все этапы его болезни и свои меры по пресечению его безумных поступков [Pfaу 2010; Pfaу 2013].

Так было, к примеру, в случае Жана дю Мутье, жителя Парижа, убившего в 1380 г. собственного отца. Его сумасшествие выражалось в том, что «он целыми днями пропадал в лесу, где прогуливался в полном одиночестве, насвистывал птицам (*s'en aloit par bois et par champs sifflant aus oiseaux tout seul*) и по два-три дня оставался голодным, пока добрые люди не приводили его обратно в город». Постепенно заболевание прогрессировало, Жан становился «со-

²⁰ Chronique du Religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Ed. par M.L. Bellaguet. P., 1839–1852. Т. 2. P. 18. О том же сообщал и бургундский хронист Жан Фруассар: Œuvres complètes de Froissart. Chroniques / Ed. par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Osnabruck, 1967. Т. 15. P. 36.

²¹ Chronique du Religieux de Saint-Denys, 2, p. 18. См. подробнее о болезни Карла VI: [Autrand 1986, pp. 290–295; Guenée 2004, pp. 8–11].

вершенно безумным» (*tout fou*), так что требовалось «связывать его и держать в надежном месте». Ему не помогало никакое лечение: отвезенный в Гурне, где находилась могила св. Хильдеверта, прославившегося тем, что он помогал исцелить безумие, молодой человек сбежал от родных, будучи при этом связанным. Его поймали и заковали в железо, от которого он тем не менее смог освободиться, «что не удавалось еще ни одному человеку». В конце концов дю Мунье убил своего отца и вместо того, чтобы горько сожалеть о содеянном, весело смеялся, стоя над его трупом²². Столь подробное описание болезни Жана потребовалось его родным, чтобы спасти его от смертной казни, полагавшейся за отцеубийство.

Впрочем, даже после приведения приговора в исполнение родственники преступника могли попытаться объявить его сумасшедшим. В этих случаях речь шла уже об интересах самой семьи, желавшей вернуть себе конфискованное после казни одного из ее членов имущество.

Так, в 1278 г. Парижский парламент расследовал дело о самоубийстве некоего Филиппа Тестара, смерть которого наступила в результате падения с балкона. Двенадцать свидетелей подтвердили в суде, что упомянутый Филипп покончил с собой по причине безумия (*il sembloit estre hors dou sens*) – болезни, от которой он страдал на протяжении всей жизни и которая со временем только усугублялась. По мнению родственников и знакомых, Тестар всегда «слишком жадно ел и пил и проявлял свое сумасшествие другими способами (*plusors autres signes de forsenerie*), особенно в новолуние». В такие ночи «он расцарапывал себе лицо и выдирал волосы так, что весь был залит кровью». При этом, если довериться показаниям свидетелей, болезнь Филиппа являлась наследственной. Его тетка Изабель по прозвищу Жадина «лишилась ума (*fu hors dou sens*) и

²² Archives nationales de France, série JJ (Registres du Trésor des chartes). JJ 118. No. 18. Любопытно, что неконтролируемый смех иногда являлся способом *выдать себя* за сумасшедшего, дабы облегчить собственную участь. Именно так поступил в 1413 г. прево (т. е. главный королевский судья) Парижа Пьер дез Эссар, которого приговорили к смерти за политическое предательство: «И это правда, что с момента, когда его поместили на волокушу и до самой своей смерти он только и делал, что смеялся (*il ne faisait toujours que rire*), как во времена своего величия, и потому большинство людей сочло его сумасшедшим (*le plus des gens le tenaient pour vrai fou*), поскольку все, кто его видел, оплакивали его столь жалостливо, как никогда не оплакивали смерть ни одного другого человека. А он один смеялся в надежде, что парижане спасут его от смерти» (Journal d'un bourgeois de Paris / Ed. par C. Beaune. P., 1990. P. 60).

провела три года связанной на кровати (*fu liée comme fole*) до самой своей смерти», а его племянница Мари «сошла с ума четыре года назад (*fu hors dou sens*), была связана и отправлена в Сен-Верен для излечения (*menée à Saint Varain forsenée*)».

В результате семье покойного Тестара удалось добиться справедливости. Имущество погибшего было возвращено родственникам, а не передано в королевскую казну, поскольку «было со всей очевидностью доказано, что Филипп умер по причине болезни (*per insaniam*) и что в течение семи лет каждый месяц на новолуние он становился буйным (*in defectu lune furiosus*), что проявлялось самыми разными способами»²³.

Не менее показательной являлась апелляция, поданная наследниками знаменитого Жюль де Лавалья, барона де Ре, казненного в Нанте в 1440 г. по обвинению в детоубийстве и занятиях колдовством²⁴. Огромное состояние покойного было конфисковано и оказалось в руках герцога Бретонского, против которого выступили дочь и зять барона. Именно они составили специальный «Меморандум наследников» (*Mémoires des héritiers*), в котором утверждалось, что Жюль де Ре страдал помутнением рассудка, явившемся причиной всех совершенных им преступлений: «Каждый знает, что он был отъявленным мотом и не владел своими чувствами и разумом (*il était prodigue notoire*), поскольку часто лишался рассудка (*il était souvent altéré de son sens*), уходил рано утром из дома и в одиночестве бродил по улицам. Когда же ему говорили, что он поступает плохо, он отвечал не как нормальный человек, но как сумасшедший и помешанный (*en manière de fou et d'insensé*)»²⁵. Тем не менее, в отличие от семейства Филиппа Тестара, в данном случае истцы своей цели так и не добились.

Впрочем, не только члены семьи сумасшедшего, покончившего жизнь самоубийством или казненного по приговору суда, могли выступать просителями в делах о наследстве. Иногда ими становились ближайшие коллеги покойного. Такое дело упоминалось, в частности, в «Дневнике» Николя де Байя, секретаря

²³ Boutaric E. Actes du Parlement de Paris. P., 1863. T. 1. P. 198–200. О практике конфискации имущества самоубийц, принятой повсеместно в средневековых европейских судах, см.: *L'Arbre A., de. De la confiscation des biens des suicides // Bulletin de la Commission royale des anciennes lois et ordonnances de Belgique. 1909. T. 9. P. 329–399.*

²⁴ Подробнее об этом процессе см.: [Тогоева 2022, с. 221–272].

²⁵ *Mémoires des héritiers de Gilles de Rais pour prouver sa prodigalité // Morice H., dom. Mémoires pour servir des preuves à l'histoire ecclésiastique et civile de Bretagne. P., 1744. Col. 1339.*

Парижского парламента по гражданским делам. Под 1409 г. он описывал спор чиновников Парламента с епископом Парижа об имуществе королевского нотариуса мэтра Жана Жиле, который страдал «печалью и помутнением рассудка и в приступе безумия перерезал себе горло (*affictione et fervore dementie et furie se ipsum jugulaverit*)». Коллеги просили «не наказывать покойного, поскольку он уже достаточно наказан своей болезнью (*quia satis furore suo puniebatur*)»²⁶.

Во избежание грозящего наказания сам преступник иногда мог выдать за сумасшедшего не себя, но свою жертву. В этом случае убийство автоматически (или при помощи адвоката) превращалось в самоубийство, и с подозреваемого снимались все обвинения. Именно так произошло в 1365 г., когда Парижский парламент расследовал случай о подозрительной смерти, произошедшей на пожаре: два человека обвинялись в убийстве своего соседа. Защита, однако, сделала упор на душевном нездоровье погибшего, заявляя, что он покончил жизнь самоубийством в приступе безумия (*furor*), спровоцированном разыгравшейся трагедией. Ответчикам удалось получить королевские письма о помиловании, и дело закончилось примирением сторон²⁷.

Вместе с тем реальное насилие над жертвой, доведение ее до сумасшествия и, как следствие, до самоубийства расценивалось французскими судьями как отягчающее вину обстоятельство. В 1356 г. в Парижском парламенте слушалось дело о частном вооруженном конфликте (*guerre privée*): ответчика судили за разбойное нападение на дом и избивание его владельца, который скончался от полученных травм. Отдельным пунктом обвинения значилось «запугивание» вдовы покойного, от чего несчастная женщина стала «сама не своя» и покончила с собой²⁸.

Таким образом, убийство и самоубийство, согласно французским судебным архивам, являлись наиболее часто упоминаемыми правонарушениями, в ходе расследования которых возникал вопрос о возможном безумии ответчика или его жертвы. И все же в самом конце XIV в. – первой половине XV в. появилось – правда, совсем ненадолго – еще одно уголовное преступление, которое могло извинить сумасшествие обвиняемого. Речь шла о первых, только набиравших силу во Франции и других европейских странах ведовских процессах.

²⁶ Journal de Nicolas de Baye / Ed. par A. Tuetey. P., 1885. T. 1. P. 269.

²⁷ Archives nationales de France. Série X (Parlement de Paris), X2 (Parlement criminel), X2a (Registres), X2a 7. Fol. 280B–282A.

²⁸ Ibid. X2a 6. Fol. 309–310A.

Так, в деле Марион ла Друатюрьер, рассмотренном в королевском суде Шатле в Париже в 1390 г., сообщалось о молодой женщине, которой было предъявлено обвинение в доведении до смерти при помощи колдовства ее бывшего возлюбленного и его супруги²⁹. В материалах следствия имелись, в частности, свидетельские показания Марго де ла Барр, которая пыталась выдать свою подругу за сумасшедшую. По ее словам, Марион приходила к ней несколько раз «ужасно печальная, разгневанная и беспокойная (*moult dolante, corrociée et desconfortée*), говоря, что ее дружок снова обручился и что она не сможет жить и выносить любовный жар, коим пылает к нему. Она качалась из стороны в сторону, раздирала на себе платье и вырывала волосы»³⁰. И далее Марго уточняла: «В то воскресенье Марион снова пришла к ней и выглядела как полная сумасшедшая (*sembloit lors comme toute ediate*)»³¹.

Не менее любопытным оказывалось и обвинение, выдвинутое в 1413 г. против некоего Жана Перро. Насколько можно судить по полученному им письму о помиловании, его судили за участие в шабаше и заключение договора с дьяволом. Возможно, что в данном случае речь шла о самом первом во французской практике описании ночных встреч ведьм и колдунов, лишенным тем не менее своих «классических» деталей: «...когда он уже лежал в постели, к нему явилась некая персона, которая показалась ему женщиной (*en lui semblant estre une femme*)... Она заявила ему, что сделает его богатым человеком, а также приказала раздеться догола, что он и сделал по той причине, что она обещала превратить его в первого богача королевства (*le plus riche homme du royaume*)... И он видел, что она бросает на его снятую одежду золото и серебро в таком количестве, что он не смог бы унести, как ему казалось». Спасение Жану пришлось искать в королевской курии, куда он подал прошение о помиловании, и оно было удовлетворено. В отличие от Марион ла Друатюрьер, признанной ведьмой и отправленной на костер, Перро получил официальное прощение, в котором указывалось, что его следует считать полным «идиотом» (*homme ydiot*) и что на самом деле ему являлись вовсе не демоны, но «фантомы» (*fantomes*)³².

Однако идея о ведьме-сумасшедшей, по всей видимости, не прижилась на французской почве: во всем корпусе дошедших до нас писем о помиловании за XIV–XV вв. не находится ни одного доку-

²⁹ Подробнее об этом процессе см.: [Тогоева 2022, с. 152–179].

³⁰ *Registre criminel du Châtelet de Paris du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392 / Ed. par H. Duplès-Agier. P., 1861. T. 1. P. 353.*

³¹ *Ibid.* P. 355.

³² *Archives nationales de France. JJ 167. No. 287.*

мента, согласно которому обвинение в колдовстве было бы снято по этой уважительной причине. Впрочем, иногда – хотя и очень редко – в подобных документах встречались упоминания дьявола применительно к другим составам преступления. Например, в прощени, дарованном некоей Жаннет, супруге Тома Байе, в 1425 г., говорилось: «После того как упомянутая женщина погрузилась в глубокий сон, она, по наущению врага (*par temptacion de l'Ennemi*), внезапно поднялась с кровати, оставив в ней своих мужа и брата. В ее видении ей показалось, что рядом с ней находятся два <чужих> человека. Она взяла камень и ударила им несколько раз по голове супруга, который спал в постели, и нанесла ему множество ран, после чего упала без чувств рядом с мужем. И ей показалось, что те двое, что были рядом с ней, удалились»³³.

Что же касается более позднего времени, то и тогда мысль о том, что та или иная женщина, обвиняемая в колдовстве, может оказаться всего лишь душевнобольной, полностью отрицалась французскими правоведами.

Сама эта идея впервые была высказана в 1505 г. итальянским демонологом Самуэлем из Кассини (ок. 1450–1510). В трактате «Вопрос <существования> ведьм» (*Questio Lamiarum*) он поставил под сомнение реальность шабаша, объявив его «иллюзией», в которую верят «идиоты» и «простодушные» [Мах 1993]. В 1563 г. эта теория получила развитие в работе «Козни демонов» (*De Praestigiis Daemonum*) немецкого демонолога и личного врача Вильгельма V, герцога Клевского, Иоганна Вейера (1515–1588). Он связывал веру в колдовство и ночные полеты на шабаш с душевным состоянием обвиняемых: «Люди, в наибольшей степени подверженные подобным выдумкам, – это те, кто по причине темперамента и конституции легче других поддается внушению или иллюзиям, насылаемым дьяволом. Таковы меланхолики (*melancholiques*)... Но сумасшедший лишен и разума, и воли. Отсюда следует, что человека, который утратил рассудок, нельзя наказывать <в судебном порядке>»³⁴.

Именно концепция И. Вейера вызвала резкую критику его современников и прежде всего знаменитого французского демонолога и юриста Жана Бодена (1529/1530–1596). В своей «Демонии колдунов» 1580 г. он посвятил идеям немецкого коллеги целую главу, в которой, в частности, писал: «Не следует говорить так, как это делает Вейер, что если Сатана использует ведьм как

³³ Ibid. JJ 173. No. 63.

³⁴ *Wier I. Histoires, disputes et discours des illusions et impostures des diables, des magiciens infames, sorcieres et empoisonneurs. P., 1579. P. 218.*

собственное оружие, ведьмы невиновны... Каждый знает разницу между ведьмами, которые преданы Сатане, как будто они старые шлюхи (*paillards abandonnees*), и женщиной, одержимой демонами, схожей с изнасилованной девственницей (*vierge pudique ravie par force*)»³⁵.

И все же, признавая божественный, вернее сверхъестественный характер сумасшествия (которое мог наслать на человека не только Господь, но и дьявол) и отдавая безумцев, совершивших уголовное преступление, на суд Бога, французские средневековые юристы очень часто описывали безумие как болезнь, т. е. как явление, имеющее вполне естественное происхождение. При этом они различали физические и, условно говоря, психические причины возникновения сумасшествия.

В письмах о помиловании фигурировали, в частности, продолжительные посты, падения с дерева, удары по голове и даже «перенагрев мозга» у печи, от чего тот становился «слабым, изношенным и невежественным» [Gauvard 1991, p. 436]. Душевную болезнь Карла VI современники связывали то с отравлением (пищей или напитками), то с наведенной на французского короля порчей [Guenée 2004, pp. 8–11]. Еще одной вполне реальной причиной утраты рассудка могло стать иное заболевание, перенесенное ранее. Так, в письме о помиловании Жаннет Вуадье 1424 г. сообщалось, что молодая мать умертвила своего новорожденного сына, поскольку страдала «меланхолией» (*melancolie*), т. е., по всей видимости, послеродовой депрессией³⁶. А в 1490–1491 гг. Парижский парламент рассматривал дело о наследстве покойного Жана Бургундского, которого его внук Энгильбер Клевский обвинял в старческом слабоумии, что и привело к составлению неверного завещания. В своем заявлении в парламент истец сообщал: «Покойный был совершенно безумен в своем поведении (*debilité*) и не владел речью. Его можно было заставить верить во что угодно до такой степени, что во время мессы он полагал, что перед ним находится дьявол, а не священник» [Ternon 2018, pp. 34–37].

Что же касается психических причин недуга, то ими мог стать, к примеру, сильный испуг – от пожара или от вооруженного нападения, как отмечалось в материалах упоминавшихся выше двух уголовных дел, рассмотренных в Парижском парламенте³⁷. Помутнение рассудка наступало и вследствие постигшего человека горя от утраты близкого, как это произошло в 1350 г. с Маргарит Гинар,

³⁵ Bodin J. De la démonomanie des sorciers. P., 1580. Fol. 247v.

³⁶ Archives nationales de France. JJ 172. No. 430.

³⁷ См. примеч. 26, 27.

внезапно овдовевшей, а в результате сошедшей с ума (*yssue hors de son sens*) и забившей до смерти одного из своих детей³⁸. Временное помешательство спровоцировала излишняя ревность и состояние опьянения – как, например, в случае Жаннет Майяр, постоянно выходявшей из себя (*souvent ebetee de son ententement et comme furieuse*) из-за разгульного образа жизни своего мужа и в конце концов покончившей жизнь самоубийством³⁹.

Кроме того, авторы прошений о помиловании отмечали в некоторых случаях отсутствие всяких *видимых* причин недуга. Так, в деле Колина Жакара 1415 г. говорилось, что лишь спустя три года с момента предполагаемого помешательства окружающие обратили внимание на странное поведение юноши. Выражалось оно в том, что «он ни с кем не говорил и ничего не ел по несколько дней, делал и рисовал вещи фантастические (*faisoit ou paignoit choses fantastiques*)». Все время Колин проводил в доме своих родителей, где в конце концов его нашли повесившимся⁴⁰.

На слабую разработанность категории «сумасшествие» во французском праве указывала не только путаница в вопросе о его возможных причинах. Еще большее разнообразие наблюдалось в терминологии, которой оперировали средневековые юристы⁴¹. Почти у каждого из них (это касалось и авторов кутюм, и судебных чиновников, и составителей писем о помиловании) имелся собственный термин для определения этого болезненного состояния.

Наиболее популярным, как представляется, оказывался термин *forsenerie*. Важно отметить, что он, очевидно, был заимствован французскими юристами из художественной литературы, поскольку использовался, в частности, в рыцарских романах «Амадас и Идуан» (XII в.) и «Тристан в прозе» (XIII в.) [Menard 1977]. То же самое определение безумия присутствовало у авторов «Кутюм Бовези», «Старой кутюмы Нормандии», «Книги о правосудии и судопроизводстве», а также в судебных регистрах Парижского парламента и в письмах о помиловании. При этом каждый из составителей этих документов, по-видимому, подразумевал какое-то свое, особое «сумасшествие». Во всяком случае, если в сборниках обычного права (а также в письме о помиловании Жана дю Мутье) – как, впрочем, и в рыцарских романах – под *forsené* понимался человек не просто

³⁸ Archives nationales de France. JJ 77. No. 323.

³⁹ Ibid. JJ 173. No. 392.

⁴⁰ Ibid. JJ 168. No. 344.

⁴¹ Вариативность средневековой терминологии в данном случае становилась особенно заметной при сравнении с римским правом, где использовалось одно лишь понятие *furor*. См. выше примеч. 1–4.

безумный, но пребывающий в агрессивном состоянии (совершающий поджоги, убивающий людей и по этой причине обреченный находиться в тюрьме), то, к примеру, в деле Филиппа Тестара речь шла о приступах лунатизма, один из которых привел несчастного к самоубийству.

Достаточно часто в судебных документах встречался и термин «идиот» (*ediot, ydiot*), который присутствовал в «Уголовном регистре Шатле» конца XIV в., как о том свидетельствовало дело Марион ла Друатюрбер, и в письмах о помиловании. Какой конкретный смысл вкладывали в него средневековые юристы, использовавшие его в самых разнообразных ситуациях, сказать практически невозможно: «идиотами», по их мнению, становились и от несчастной любви, и от падения с дерева. Еще сложнее проследить возникновение этого термина, поскольку в эпоху Средневековья «идиотами» именовали и просто неграмотных или недалеких людей, и «святых идиотов» (т. е. юродивых), и людей, умственное развитие которых оставалось на уровне ребенка [Laharie 1991, pp. 82–83]. Какое из этих значений было ближе судебным чиновникам, сказать очень трудно.

Отсутствие устоявшейся правовой терминологии подтверждается и тем фактом, что часто определение сумасшествия передавалось в юридических документах описательно, без использования каких бы то ни было специальных терминов. Обычными как для писем о помиловании, так и для актов Парламента были краткие формулировки «по причине нездоровья» (*per insaniam*), «быть не в себе» (*hors dou sens, hors de son senz*), или – как в случае с королем Карлом VI – «король отсутствует» (*est absent*).

Однако иногда подобные указания становились весьма развернутыми и были призваны, по-видимому, усилить впечатление от постигшего того или иного человека несчастья. Интересно, что и эти описания (и использованные в них топосы), как представляется, были весьма близки к описаниям безумия, известным нам по художественной литературе Средневековья. Термин *fou/fol*, часто используемый в рыцарских романах, не слишком часто встречался в юридических документах, однако описания *поведения* безумцев в этих двух типах источников выглядят порой идентично. Среди них можно выделить по крайней мере два наиболее ярких топоса – так называемую любовь-болезнь и обращение человека в дикое состояние как следствие сильного эмоционального потрясения.

Описание влюбленности как недуга, терзающего человека, брало начало еще в произведениях Овидия (43 г. до н. э. – 17/18 г. н. э.) и получило особое развитие в северофранцузских рыцарских романах начиная уже с XII в. Так, страдала и мучилась от любви

Лавиния, героиня «Энея» (ок. 1160 г.): «Ее покрыла испарина, затем она почувствовала холод, и ее стал бить озноб; она часто теряет сознание и дрожит, рыдает, трясется, ей делается дурно... Она кричит и плачет, хнычет и жалуется»⁴². Ей вторил Утер Пендрагон из «Романа о Бруте» Васа (1155 г.): «Любовь к Иджерне обрушилась на меня, победила меня и покорила; я не могу ни уйти, ни вернуться, ни бодрствовать, ни спать, не могу ни встать, ни лечь, ни пить, ни есть без того, чтобы не обратиться мыслью к Иджерне»⁴³. Такая любовь, по мысли средневековых авторов, не подчинялась разуму и вела к – пусть временному – помешательству: так, мать Лавинии прямо называла свою дочь «сумасшедшей» (*fole Lavinie*).

Идентичный набор признаков сумасшествия присутствовал, в частности, в деле Марион ла Друатюрьер 1390 г.: по словам ее подруги Марго, молодая женщина приходила к ней «ужасно печальной, разгневанной и беспокойной», «качалась из стороны в сторону, раздирала на себе платье и вырывала волосы»⁴⁴.

Несчастливая любовь могла привести человека и в состояние дикости, вызвать желание отрешиться от мира людей и жить в одиночестве. Так, опоздав на встречу с Лодиной, которая отказывалась отныне считать себя его женой, Ивейн впадал в «великое смятение». «Он желал бы убежать и остаться один в таких диких краях, чтобы никто в мире ничего бы о нем не знал, как если бы он очутился в недрах ада». «Он покинул общество баронов, так как боялся, что среди них он сойдет с ума. Он бежал так, что оставил далеко позади палатки и павильоны. Тогда он испытал такое головокружение, что решил, что рассудок его покидает». Путь Ивейна лежал, таким образом, через поля и пашню напрямик в лес, где он и оставался в течение какого-то времени «как несчастный сумасшедший»⁴⁵. В лес также попадали и другие герои рыцарских романов, сошедшие с ума от несчастной любви, – Ланселот, Тристан и Амадас [Laharie 1991, pp. 157–158].

Любопытно, что именно в лесу (*en la forest du Mans*), если довериться сообщению бургундского хрониста Жана Фруассара (1333/1337–1405), французского короля Карла VI настигал первый приступ помешательства⁴⁶. И точно так же, как и героям средневековых романов, ему якобы было свойственно в состоянии безумия раздирать на себе одежду, уничтожая изображения собственного

⁴² [Михайлов 1976, с. 57 (оригинальный текст), с. 330 (перевод)].

⁴³ [Михайлов 1976, с. 39 (оригинальный текст), с. 329 (перевод)].

⁴⁴ См. выше примеч. 29, 30.

⁴⁵ [Laharie 1991, p. 147].

⁴⁶ Œuvres complètes de Froissart. Chroniques. T. 15. P. 37.

герба⁴⁷. Так вели себя и Тристан, который оказывался в обносках бедняка, и Ивейн, который рвал на себе нательную рубаху и брэ, и Ланселот, путешествующий практически голым. Сюда же добавлялись и другие явные признаки помутнения рассудка: отсутствие аппетита (как у Ланселота) или, напротив, обжорство (как у Ивейна), немота (как у Роберта-Дьявола) или беспричинный смех (как у Амадаса) [Laharie 1991, pp. 153–159].

Практические идентичные описания встречались и во французских письмах о помиловании, рассмотренных выше. Так, Жан дю Мутье «прогуливался по лесу и в полях, насвистывая птицам и по два-три дня оставаясь голодным». Колин Жакар «ни с кем не говорил и ничего не ел по несколько дней, делал и рисовал вещи фантастические». Жиль де Ре уходил из своего замка ранним утром и часами бродил в одиночестве по окрестностям. Филипп Тестар «слишком жадно ел и пил». А Робер Ленэ «на протяжении восьми дней и ночей, без еды и питья, бегал совершенно голым по полям (*tout nu parmi les champs*)»⁴⁸.

Подобная близость между литературными произведениями и сугубо юридическими документами, безусловно, заставляет задуматься о том, следует ли рассматривать суждения, которые высказывали судьи, свидетели, родственники и друзья обвиняемых, как медицинские диагнозы или как набор литературных клише. Иными словами, вопрос заключается в том, как юристы и прочие участники того или иного расследования понимали, является ли тот или иной человек сумасшедшим, и какими словами надлежит описывать его состояние.

Теоретически средневековые правоведы предусматривали медицинское освидетельствование душевнобольных людей, которое должно было проводиться профессиональными врачами⁴⁹. Первое упоминание о данной норме содержалось в трактате итальянского профессора права Якопо д'Арена «О гражданском судопроизводстве» (*Super iuri civili*), созданном во второй половине XIII в.: «Опознание <сумасшедшего> должно быть доверено врачам или иным знающим людям, кто в этом разбирается». Еще более четко та же мысль оказалась выражена адвокатом из Бергамо Альбериком

⁴⁷ Chronique du Religieux de Saint-Denys. Т. 2. Р. 18.

⁴⁸ Archives nationales de France. JJ 131. No. 166.

⁴⁹ Вплоть до XIII в. в этой роли могли выступать также цирюльники, знахари и повитухи, позднее, с возникновением медицинских факультетов (прежде всего в Парижском университете), в качестве судебных экспертов чаще всего приглашались уже медики: [Agrimi, Crisciani 1993; Gonthier 1995; Charageat 2012].

да Рошате († 1354) в сочинении «О кодексе» (*Super Codice*): «Выноси <свой приговор>, учитывая мнение врачей, которые знают, является ли <преступник> на самом деле сумасшедшим или помешанным». Примерно в то же время по данному вопросу в трактате «О свидетелях» (*Tractatus testimoniorum*) высказался и Бартоло да Сассоферрато: «Если человек является умалишенным или помешанным по причине длительной болезни, как я уже сказал, следует довериться мнению знающих врачей» [Ternon 2018, pp. 64–66].

Такова была, по всей видимости, итальянская средневековая практика. Однако, если обратиться вновь к французскому материалу, то среди множества дел, в которых в той или иной степени затрагивался вопрос душевной болезни обвиняемых или их жертв, находится всего два упоминания о медицинской экспертизе. Более того, оба эти случая описаны в хрониках, а не в материалах следствия.

О первом из них рассказывал в своей «Хронике Карла VI» уже знакомый нам Мишель Пентуэн⁵⁰. В 1388 г. некий Тома из Апулии был приговорен епископом и университетом Парижа к смерти за свои еретические воззрения, в которых он упорствовал. Но поскольку обвиняемый «был сочтен врачами и хирургами сумасшедшим (*non sani capitis*)», его осудили на пожизненное тюремное заключение – дабы он более не смущал своими речами окружающих.

Второе дело относилось уже к 1493 г. Обвиняемым являлся Жан Ланглуа, священник, виновный в профанации гостии во время мессы в соборе Парижской Богоматери, как о том сообщала хроника Жана Молине⁵¹. Некий знатный горожанин хотел убить Ланглуа на месте, но вмешались прочие прихожане, заявляя, что священник «не в себе» (*estoit hors du sens*). Жана поместили в тюрьму капитула, там его навелили два врача (*deux medecins*), а в это время судебные чиновники собирали информацию о репутации подозреваемого, его образе жизни и – вероятно – также о состоянии его здоровья. В конце концов следствие установило, что Ланглуа совершенно здоров, а потому его приговорили к смерти за его еретические высказывания и поступки.

Таким образом, поскольку этими двумя упоминаниями вся французская практика привлечения медиков к освидетельствованию преступников на сегодняшний день исчерпывается, следует признать, что опора в подобных случаях в эпоху Средневековья

⁵⁰ Chronique du Religieux de Saint-Denys. Т. 1. Р. 574–577. Подробнее см.: [Ternon 2016].

⁵¹ Chronique de Jean Molinet / Ed. par J.A. Buchon. P., 1827. Т. 2. Р. 391.

осуществлялась, по всей видимости, прежде всего на слова свидетелей: коллег, родственников, друзей или просто соседей обвиняемых⁵². Таким образом, речь шла скорее не о медицинском диагнозе, но о судебном, правовом решении. И основывалось такое решение в большей степени на готовых литературных клише, которые были хорошо знакомы обывателям. Иными словами, их описание видимых признаков сумасшествия отсылали к оценке репутации того или иного человека, а не к выявленной у него симптоматике. Данное обстоятельство, впрочем, отнюдь не мешало судьям расценивать безумие как правовую категорию – как обстоятельство, смягчающее наказание или полностью его исключающее.

Более того, рассмотренные выше многочисленные судебные дела и письма о помиловании заставляют усомниться в том, что утратившие рассудок люди воспринимались исключительно как «отсутствующие», т. е. в соответствии с нормами римского права. Напротив, они оказывались включены в повседневную жизнь средневекового общества, члены которого постепенно учились понимать, что такое сумасшествие, как следует его описывать и как к нему относиться, дабы не нарушать две главные христианские заповеди, касающиеся сферы правопорядка, – принципы справедливости и милосердия⁵³.

Литература

- Ильин 1996 – *Ильин И.П.* Мишель Фуко – историк безумия, сексуальности и власти // Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. С. 51–94.
- Михайлов 1976 – *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман. М.: Наука, 1976. 351 с.
- Тогоева 2021 – *Тогоева О.И.* Визуальные эффекты средневекового правосудия // Диалог со временем. 2021. Вып. 76. С. 276–286.
- Тогоева 2022 – *Тогоева О.И.* «Истинная правда»: Языки средневекового правосудия. М.: АСТ, 2022. 398 с.
- Agrimi, Crisciani 1993 – *Agrimi J., Crisciani C.* Savoir médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la *vetula* (XIIIe – XVe siècles) // *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*. 1993. No. 5. P. 1281–1308.
- Autrاند 1986 – *Autrاند F.* Charles VI: la folie du roi. P.: Fayard, 1986. 647 p.

⁵² О роли ближайшего окружения обвиняемого на судебном процессе см.: [Bongert 1979; David 1994; Mausen 2012].

⁵³ Подробнее о двух принципах средневекового правосудия и их визуальном воплощении см.: [Тогоева 2021].

- Avray 2005 – *Avray D.L. d'*. Medieval marriage. Symbolism and society. Oxford: Oxford University Press, 2005. 334 p.
- Becker 1963 – *Becker H.* Outsiders. Studies in the sociology of deviance. N.Y.: Free press, 1963. 179 p.
- Bongert 1979 – *Bongert Y.* Solidarité familiale et procédure criminelle au Moyen Age: la procédure ordinaire au XIVe siècle // Mélanges offerts à Jean Dauvillier. Toulouse: Centre d'histoire juridique méridionale, 1979. P. 99–116.
- Caciola 2003 – *Caciola N.* Discerning spirits. Divine and demonic possession in the Middle Ages. L.: Cornell University Press, 2003. 327 p.
- Charageat 2012 – *Charageat M.* Ubi est impotencia non est matrimonium. Des experts aux femmes d'expérience à l'officialité de Saragosse au XVe siècle // Experts et expertise au Moyen Age: consilium quaeritur a perito. P.: Publications de la Sorbonne, 2012. P. 175–198.
- Chauve-Mahir 2011 – *Chauve-Mahir F.* Une parole au service de l'unité. L'exorcisme des possédés dans l'Église de l'Occident, X^e – XIVe siècle. Turnhout: Brepols, 2011. 446 p.
- Collée, Quéтел 1987 – *Collée M., Quéтел C.* Histoire des maladies mentales. P.: Presses universitaires de France, 1987. 127 p.
- David 1994 – *David J.* Les solidarités juridiques de voisinage, de l'ancien droit à la codification // Revue d'histoire du droit français et étranger. 1994. T. 72. No. 3. P. 333–366.
- Flanagan 2005 – *Flanagan S.* Heresy, madness and possession in the High Middle Ages // Heresy in transition. Transforming ideas of heresy in medieval and early modern Europe / Ed. by I. Hunter, J.Ch. Laursen, C.J. Nederman. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 29–42.
- Foucault 1961 – *Foucault M.* Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique. P.: Librairie Plon, 1961. 672 p.
- Fritz 1992 – *Fritz J.-M.* Le discours du fou au Moyen Age. XIIe – XIIIe siècles: étude comparée des discours littéraire, médical, juridique et théologique de la folie. P.: Presses universitaires de France, 1992. 413 p.
- Gaudemet 1987 – *Gaudemet J.* Le mariage en Occident. P.: Cerf, 1987. 520 p.
- Gauvard 1991 – *Gauvard Cl.* "De grace especial". Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age. P.: Publications de la Sorbonne, 1991. 1025 p.
- Goffman 1963 – *Goffman E.* Stigma. Notes on the management of spoiled identity. New Jersey: Prentice-Hall, 1963. 147 p.
- Gonthier 1995 – *Gonthier N.* Les médecins et la justice au XVe siècle à travers l'exemple dijonnais // Le Moyen Age. 1995. T. 101. P. 277–295.
- Guenée 2004 – *Guenée B.* La folie de Charles VI, roi Bien-Aimé. P.: Perrin, 2004. 317 p.
- Heers 1983 – *Heers J.* Fêtes des fous et carnivals. P.: Fayard, 1983. 315 p.
- Huot 2003 – *Huot S.* Madness in medieval French literature. Identities found and lost. Oxford: Oxford University Press, 2003. 224 p.
- Jacob 2001 – *Jacob R.* Le faisceau et les grelots: figures du banni et du fou dans l'imaginaire medieval // Droit et cultures. Revue semestrielle d'anthropologie et d'histoire. 2001. T. 41. No. 1. P. 65–98.

- Jacquart 2004 – *Jacquart D.* La réflexion médicale médiévale et l'apport arabe // Nouvelle histoire de la psychiatrie / Ed. par J. Postel, Cl. Quétel. P.: Dunod, 2004. P. 37–47.
- Kutzer 1998 – *Kutzer M.* Anatomie des Wahnsinns. Geisteskrankheit im medizinischen Denken der frühen Neuzeit und die Anfänge der pathologischen Anatomie. Hürtgenwald: G. Pressler, 1998. 293 S.
- Laharie 1991 – *Laharie M.* La folie au Moyen Age. XIe – XIIIe siècles. P.: Le Leopard d'Or, 1991. 307 p.
- Legros 2013 – *Legros H.* La folie dans la littérature médiévale: étude des représentations de la folie dans la littérature des XIIe, XIIIe et XIVe siècles. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013. 550 p.
- Mausen 2012 – *Mausen Y.* La famille suspecte. Liens familiaux et motifs de récusation des témoins à l'époque medieval // Histoires de famille. A la convergence du droit pénal et des liens de parenté / Ed. par L. Otis-Cour. Limoges: Presses universitaires de Limoges, 2012. P. 161–171.
- Max 1993 – *Max F.* Les premières controverses sur la réalité du sabbat dans l'Italie du XVIe siècle // Le sabbat des sorciers en Europe, XV–XVIII siècles / Textes réunis par N. Jacques-Chaquin, M. Préaud. Grenoble: Editions Jérôme Millon, 1993. P. 55–62.
- Menard 1977 – *Menard Ph.* Les fous dans la société médiévale: le témoignage de la littérature aux XIIe et XIIIe siècles // Romania. 1977. T. 98. P. 432–459.
- Pfau 2010 – *Pfau A.N.* Crimes of passion. Emotion and madness in French remission letters // Madness in Medieval law and custom / Ed. by W.J. Turner. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 97–122.
- Pfau 2013 – *Pfau A.N.* Warfare, trauma, and madness in French remission letters // The Hundred Years War (part 3) / Ed. by L.J.A. Villalon, D.J. Kagay. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 437–456.
- Rosen 1969 – *Rosen G.* Madness and society. Chapters in the historical sociology of mental illness. N.Y.: Harper and Row, 1969. 337 p.
- Ternon 2016 – *Ternon M.* Hérétique ou dément? Autour du procès de Thomas d'Apulie à Paris en 1388 // Criminocorpus. Folie et justice de l'Antiquité à l'époque contemporaine, mis en ligne le 15 février 2016. URL: <http://journals.openedition.org/criminocorpus/3153> (дата обращения 12.12.2023).
- Ternon 2018 – *Ternon M.* Juger les fous au Moyen Age. P.: Presses universitaires de France, 2018. 274 p.

References

- Agrimi, J. et Crisciani, C. (1993), "Savoir médical et anthropologie religieuse. Les représentations et les fonction de la *vetula* (XIIIe – XVe siècles)", *Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*, t. 5, pp. 1281–1308.
- Autrاند, F. (1986), *Charles VI: la folie du roi*, Fayard, Paris, France.

- Avray, D.L. d'. (2005), *Medieval marriage. Symbolism and society*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Becker, H. (1963), *Outsiders. Studies in the sociology of deviance*, Free press, New York, USA.
- Bongert, Y. (1979), "Solidarité familiale et procédure criminelle au Moyen Age: la procédure ordinaire au XIVe siècle", *Mélanges offerts à Jean Dauvillier*, Centre d'histoire juridique méridionale, Toulouse, France, pp. 99–116.
- Caciola, N. (2003), *Discerning spirits. Divine and demonic possession in the Middle Ages*, Cornell University Press, London, UK.
- Charageat, M. (2012), "Ubi est impotencia non est matrimonium. Des experts aux femmes d'expérience à l'officialité de Saragosse au XVe siècle", *Experts et expertise au Moyen Age: consilium quaeritur a perito*, Publications de la Sorbonne, Paris, France, pp. 175–198.
- Chauve-Mahir, F. (2011), *Une parole au service de l'unité. L'exorcisme des possédés dans l'Église de l'Occident, X^e – XIVe siècle*, Brepols, Turnhout, Belgium.
- Collée, M. et Quéétel, C. (1987), *Histoire des maladies mentales*, Presses universitaires de France, Paris, France.
- David, J. (1994), "Les solidarités juridiques de voisinage, de l'ancien droit à la codification", *Revue d'histoire du droit français et étranger*, t. 72, no. 3, pp. 333–366.
- Flanagan, S. (2005), "Heresy, madness and possession in the High Middle Ages", in Hunter, I., Laursen, J.Ch. and Nederman, C.J., ed., *Heresy in transition. Transforming ideas of heresy in medieval and early modern Europe*, Ashgate, Aldershot, UK, pp. 29–42.
- Foucault, M. (1961), *Folie et déraison. Histoire de la folie à l'âge classique*, Librairie Plon, Paris, France.
- Fritz, J.-M. (1992), *Le discours du fou au Moyen Age. XIIe – XIIIe siècles: étude comparée des discours littéraire, médical, juridique et théologique de la folie*, Presses universitaires de France, Paris, France.
- Gaudemet, J. (1987), *Le mariage en Occident*, Cerf, Paris, France.
- Gauvard, Cl. (1991), *"De grace especial". Crime, Etat et société en France à la fin du Moyen Age*, Publications de la Sorbonne, Paris, France.
- Goffman, E. (1963), *Stigma. Notes on the management of spoiled identity*, Prentice-Hall, New Jersey, USA.
- Gonthier, N. (1995), "Les médecins et la justice au XVe siècle à travers l'exemple dijonnais", *Le Moyen Age*, t. 101, pp. 277–295.
- Guenée, B. (2004), *La folie de Charles VI, roi Bien-Aimé*, Perrin, Paris, France.
- Heers, J. (1983), *Fêtes des fous et carnivals*, Fayard, Paris, France.
- Huot, S. (2003), *Madness in medieval French literature. Identities found and lost*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Ilyin, I.P. (1996), "Michel Foucault – a historian of the madness, sexuality and power", in Ilyin, I.P., *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism], Intrada, Moscow, Russia, pp. 51–94.

- Jacob, R. (2001), “Le faisceau et les grelots: figures du banni et du fou dans l’imaginaire médiéval”, *Droit et cultures. Revue semestrielle d’anthropologie et d’histoire*, t. 41, no. 1, pp. 65–98.
- Jacquart, D. (2004), “La réflexion médicale médiévale et l’apport arabe”, in Postel, J. et Quétel, Cl., ed., *Nouvelle histoire de la psychiatrie*, Dunod, Paris, France, pp. 37–47.
- Kutzer, M. (1998), *Anatomie des Wahnsinns. Geisteskrankheit im medizinischen Denken der frühen Neuzeit und die Anfänge der pathologischen Anatomie*, G. Pressler, Hürtgenwald, Germany.
- Laharie, M. (1991), *La folie au Moyen Age. XIe – XIIIe siècles*, Le Leopard d’Or, Paris, France.
- Legros, H. (2013), *La folie dans la littérature médiévale: étude des représentations de la folie dans la littérature des XIIe, XIIIe et XIVe siècles*, Presses universitaires de Rennes, Rennes, France.
- Mausen, Y. (2012), “La famille suspecte. Liens familiaux et motifs de récusation des témoins à l’époque médiévale”, in Otis-Cour, L., ed., *Histoires de famille. A la convergence du droit pénal et des liens de parenté*, Presses universitaires de Limoges, Limoges, France, pp. 161–171.
- Max, F. (1993), “Les premières controverses sur la réalité du sabbat dans l’Italie du XVIe siècle”, in Jacques-Chaquin, N. et Préaud, M., ed., *Le sabbat des sorciers en Europe, XV–XVIII siècles*, Editions Jérôme Millon, Grenoble, France, pp. 55–62.
- Menard, Ph. (1977), “Les fous dans la société médiévale: le témoignage de la littérature aux XIIe et XIIIe siècles”, *Romania*, t. 98, pp. 432–459.
- Mikhailov, A.D. (1976), *Frantsuzskii rytsarskii roman* [French romances], Nauka, Moscow, USSR.
- Pfau, A.N. (2010), “Crimes of passion. Emotion and madness in French remission letters”, in Turner, W.J., ed., *Madness in Medieval law and custom*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA, pp. 97–122.
- Pfau, A.N. (2013), “Warfare, trauma, and madness in French remission letters”, in Villalon, L.J.A. and Kagay, D.J., ed., *The Hundred Years War (part 3)*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA, pp. 437–456.
- Rosen, G. (1969), *Madness and society. Chapters in the historical sociology of mental illness*, Harper and Row, New York, USA.
- Ternon, M. (2016), “Hérétique ou dément? Autour du procès de Thomas d’Apulie à Paris en 1388”, *Criminocorpus, Folie et justice de l’Antiquité à l’époque contemporaine, mis en ligne le 15 février 2016*, available at: <http://journals.openedition.org/criminocorpus/3153> (Accessed 12 Dec. 2023).
- Ternon, M. (2018), *Juger les fous au Moyen Age*, Presses universitaires de France, Paris, France.
- Togoeva, O.I. (2021), “Visual effects of medieval justice”, *Dialog so vremenem*, iss. 76, pp. 276–286.
- Togoeva, O.I. (2022), *“Istinnaya Pravda”: Yazyki srednevekovogo pravosudiya* [“The veritable truth”. Languages of medieval justice], AST, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ольга И. Тогоева, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; togoeva@yandex.ru

Information about the author

Olga I. Togoeva, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; togoeva@yandex.ru